

**КОЛЬТ И СТЕТСОН
ДЛЯ СПЕЦНАЗА**

Евгений Борисович Мисюрин

Кольт и Стетсон для спецназа

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Майору Георгию Сицкому, можно сказать, повезло. Минобороны выделило не только сертификат на жильё, но и бесплатную виртуальную капсулу. Игра «Wonderful Wild West», или по-русски «Чудесный Дикий Запад» была создана в странах НАТО. Изначально это должен был получиться проект для тамошних ветеранов с целью снизить напряжение в обществе. Но что-то у них не пошло, и правительство Российской Федерации с удовольствием купило игрушку для своих отставников. Жора их прекрасно понимал. В нашем нездоровом обществе человеку, который провёл большую часть жизни, глядя на других сквозь прицел, мягко говоря, неуютно. Он вполне себе представлял, что такое даже тысяча бывших вояк. Привыкших к организованности, самоотверженных, умеющих убивать. А их в стране гораздо больше. Так что в Кремле правильно поступили. Он и сам с удовольствием спускал пар, лёжа в капсуле.

Содержание

1	4
2	19
3	25
4	34
5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Евгений Мисюрин

Кольт и Стетсон

для спецназа

1

Чужака Малыш разглядел издалека, шагов за двести. Неудивительно, ему ведь уже десять, большой. На День Благодарения отец даже подарил ему винтовку. Настоящую, магазинную, правда под двадцать второй калибр, но винтовка – это всё равно винтовка. А когда исполнится двенадцать, у Малыша будут и патроны. Наверное, тогда его уже не будут звать Малышом. Все, даже отец, будут звать его по имени – Александер Джонсон. Наверное, стоит начать привыкать, потому что уже сейчас он может считаться мужчиной. Охраняет дом. Вот и чужака разглядел. Едет себе неспешно, почти не управляя кобылой. Лишь с удовольствием оглядывается вокруг. Хотя, что там смотреть? Надоевшие деревья по берегу речушки Оук Крик, пастбища. В основном их пастбища, с гордостью подумал Малыш. А ещё коровы. Но кому интересны коровы, если, конечно, ты их не продаёшь. Так что лучше разглядывать чужака.

Но незнакомца уже и след простыл. Мальчик даже при-

поднялся над собранной из жердин оградой и вытянул шею. Так и есть, пропал. По дороге, как ни в чём не бывало, едет сама по себе красивая буланая кобыла с длинным, до самых бабок, хвостом. Под седлом, над которым вызывающе торчит лакированный приклад винтовки. Большой, настоящей, не как у Малыша. Узда небрежно брошена на луку седла, а в самом седле никого нет.

– Бух! – громко прошептал кто-то в ухо, и Малыш чуть не подпрыгнул от неожиданности.

Слева от него, улыбаясь, стоял тот самый незнакомец.

– Малыш, если пытаешься кого-то подкараулить, то стоит прятаться получше. А если нет, то не наставляй ствол на человека, если не собираешься его убить. Однажды это может спасти тебе жизнь.

Мальчик смутился, покраснел, что было не особенно заметно через грязь на его щеках, убрал карабин за спину, и сделал пару крошечных шагов назад. Затем, видимо, придя в себя, поднял глаза на чужака.

– Мистер, а откуда вы знаете как меня зовут? – спросил он.

Незнакомец улыбнулся в ответ и коротко свистнул. Лошадь тут же сменила траекторию и тем же неспешным шагом подошла к хозяину.

– Можно нам с Плотвой напиться из вашего колодца? – подмигнул странник.

– Конечно, мистер, – мальчик усердно закивал. – А вашу

лошадь и вправду зовут Плотвой?

– Всё верно, малыш.

В это время дощатая дверь со скрипом открылась, и на крыльцо вышел отец. Малыш резко развернулся, одновременно убирая ружьё за спину. Па строго глянул на него.

– Не приставай к незнакомцам, – немного сипло сказал он.

– Добрый день, – чужак прикоснулся к светлой широкополой шляпе и чуть склонил голову. – Ваш сын разрешил мне и моей лошади попить из вашего колодца. Вы не против?

– Вода не моя, – немного неприязненно сказал отец. – Кроме той, что уже в моём ведре. Но вам же достаточно будет и той, что под землёй?

– Всё верно. На берегу, – странник махнул рукой в сторону Оук Крик, – сплошной валежник, лошади не пройти.

– Пейте на здоровье. Если хотите, я даже дам вам ведро. Малыш, помоги-ка незнакомцу.

Мальчик улыбнулся. Отец не стал ругать его за ружьё, и это было хорошо. Он стремглав кинулся в сени, повесил карабин на торчащий из стены специально для этого сучок, схватил деревянное ведро и в три прыжка был возле колодца.

– Мистер, а у вас есть кружка? – спросил он. Почему-то ему казалось, что путешественник не имеет самых элементарных вещей.

– Откуда едете? – одновременно с сыном спросил отец. Он внимательно оглядел незнакомца, и Малыш сообразил, что сам не сделал этого в своё время. Поэтому присмотрелся

сейчас.

Путешественник был одет в синие калифорнийские штаны, надёжно защищённые плотными кожаными чапсами. Техасскими, узкими сверху и расширяющимися книзу. Брюки оказались заправлены в странную обувь. То ли низкие сапоги со шнурками, то ли слишком высокие ботинки. Чёрные, грубые, с круглыми высокими носами. Рубашка тоже впечатляла. Хлопковая, в широкую коричневую клетку, она, похоже, была удобна и в жару, и в холод. Шляпа также была необычной. Ни Стетсон, всё более входящая в моду, ни Плейзмен. Нечто среднее. В похожей шляпе, только повыше и с пером, к маме приезжал доктор Йохан фон Шульд. Довершали костюм путешественника совсем непривычные перчатки из чёрной кожи с наполовину обрезанными пальцами и пуговицами на запястье. Пояса с револьвером у незнакомца не было. Мальчик очень удивился, ведь путешествовать без оружия по их местам не стоило.

Путник сделал шаг вперёд, и Малыш спешно отвёл глаза. Мама говорила, что неприлично так усердно пялиться на незнакомого человека. А он пялился.

– Ну, скажем так. Последнее место, где я был – Буффало Рок, в сотне миль на юго-восток отсюда. Так что можно сказать, что еду я оттуда, – неспешно ответил незнакомец.

– А куда направляетесь, мистер...

Путник секунду помолчал, будто решая, стоит ли называть, затем приподнял свою необычную шляпу.

– Рэд. Джек Рэд к вашим услугам.

– Как дела, мистер Рэд. Я Джедедайя Джонсон. А это мой сын, Александер. Правда, пока мы зовём его Малышом.

– Па, он знает. – не удержался мальчик. – А откуда вы меня знаете, мистер Рэд?

Они засмеялись, оба. И отец, и незнакомец. Точнее, уже знакомец. Он же представился. Мистер Рэд. Но засмеялись оба. Рэд покровительственно потрепал Малыша по грязноватым выгоревшим за лето волосам, и...

Незаметным движением он достал откуда-то большую, дюйма три шириной круглую таблетку. Таблетка была железная и блестела не хуже новенького доллара. Резкий взмах рукой, и вместо таблетки на ладони путника оказался высокий складной стакан. Мальчик даже замер, глядя на невиданное доселе чудо. Рэд шагнул в сторону колодца, но вдруг уронил стакан на землю и прыгнул ничуть не хуже кошки старого Мэтью, когда она охотится на крыс. Миг, и путник уже стоит у своей лошади с ружьём, опущенным стволом вниз. В следующее мгновение его уже там не было и куда он делся, мальчик не понял. Малыш так засмотрелся, что даже не заметил, как из-за поворота дороги появились четверо. Мальчик посмотрел на немедленно нахмурившегося отца. К дому ехали братья Паттинсоны со своим другом Берти Уокером. Всадники приблизились, Самюэль Паттинсон, старший, даже поставил ногу на ограду, не слезая с седла.

– Эй, Джонсон, – крикнул он. – Мой отец спрашивает, не

надумал ли ты.

Па поморщился, отошёл к колоде, взял топор и стал делать вид, что не замечает наглых братьев. А младший, Мартин, тем временем дал своему кауруму жеребцу шенкелей, тот взвился, в момент перепрыгнул ограду, и оказался как раз на грядке с луком. Отец отбросил расколотое надвое полено, перехватил топор поудобнее и недобро глянул на незваных гостей.

И в этот миг перед Марином, как чёртик из коробочки, появился Джек Рэд. Он возник будто ниоткуда, небрежно держа ружьё за ложу, но даже у Малыша не возникло сомнения, что странник может в один миг перестрелять всех Паттинсонов и Берти Уокера заодно.

– Давай сюда, Марти, – крикнул Самюэль. – Мы уходим.

Он зло посмотрел на отца и проговорил:

– Мы ещё вернёмся, Джонсон. Жди нас.

– Хэй!!! – вскрикнул Мартин, ударил коня по бокам, и перескочил обратно, снеся верхнюю жердину ограды. Затем, вскидывая комья земли и поднимая пыль, галопом поскакал за братьями, которые отдалились уже шагов на пятьдесят-сто.

Джек Рэд нехотя положил ружьё на плечо и повернулся к отцу.

– Это не моё дело, мистер Джонсон, – сказал он, растягивая слова. – Но мне кажется, у вас неприятности.

Отец с силой воткнул топор в колоду и хрустнул сустава-

ми пальцев обеих рук по очереди. Он всегда так делал, когда нервничал. Обычно Малыш не ожидал ничего хорошего, когда слышал знакомый хруст. Очевидно, что и страннику Джеку Рэду тоже нет причин радоваться.

– В наших местах не считается приличным отвечать вопросом на вопрос, мистер Рэд, – сказал отец. – А вы так и не ответили, куда направляетесь.

– Разве? – Рэд недоуменно поднял брови. – Видимо, я отвлёкся на вашу проблему, мистер Джонсон. Игл-Пасс. Я иду в Игл-Пасс. У меня там есть дело.

– И вы не знакомы с Паттинсонами?

Рэд в ответ лишь помотал головой.

– И с Эллиотами?

– Мистер Джонсон, может вы перестанете ходить вокруг да около, и расскажете, наконец, зачем затеяли этот допрос и что вообще у вас случилось?

Снова за спинами раздался скрип отворяемой двери, тихий шорох юбок, и на крыльцо вышла ма в заляпанном жиром и кровью переднике. В руке у неё был закопчённый медный кофейник.

– Мужчины, я сварила кофе, – с улыбкой сообщила она. – Кто-нибудь из вас хочет свежего горячего кофе с домашней выпечкой?

Рэд ловко повернулся на пятках и долго с удовольствием разглядывал маму Малыша. Затем приподнял свою смешную шляпу и наклонил голову.

– Мэм, – вежливо поприветствовал он.

– Это моя жена, мистер Рэд, – поспешил отец. – Мелани Джонсон.

– Миссис Джедедайя Джонсон, мистер Ред, миссис, – за-чем-то уточнила ма.

Малышу вдруг почему-то стало стыдно за ма в старом, грязном переднике, который сколько ни стирай, всё равно не похож на новый, за па. Точнее за то, что братья Паттинсо-ны отступили, испугавшись не его отца, а заезжего одиночку Рэда, который им и слова не сказал. Он и сам себе не мог объяснить причину этого стыда, но грязные пальцы без его воли схватили подол рубахи, тоже далеко не чистой, начали его расправлять, сгоняя складки назад, за спину, под тонкий кожаный поясок. Мальчик вздрогнул и молча нырнул в дом.

Следом вошла ма, а сразу за ней отец с гостем. Они чин-но расселись за столом и только сейчас Малыш заметил, на-сколько их домик маленький. Раньше он совсем не обращал на это внимания, да и гостей здесь до этого момента не было. Мальчик с ногами забрался на свою кровать, опёрся подбородком о самодельную загородку и приготовился слушать. А слушать было что.

Гость сделал глоток кофе, и на секунду его лицо словно окаменело. Затем он отставил кружку в сторону, умоляюще глянул на ма и попросил:

– Миссис Джонсон, не хочу умалить ваши кулинарные способности, но позвольте мне самому сделать себе кофе.

Отец улыбнулся, это было заметно даже из-за его спины, Малыш видел по чуть сдвинувшимся ушам. Па взял свою кружку, сделал большой глоток, и спросил:

– Вы случайно не немец, мистер Рэд? Когда к нам заходил доктор фон Шульц, то тоже сам варил себе кофе. Говорил, что Америка – великая страна, у неё всего один недостаток. Здесь не умеют варить кофе.

Гость засмеялся. Его смех звучал очень по-доброму, Малышу захотелось его подхватить.

– Я полностью с ним согласен, мистер Джонсон, – Рэд закивал. – Нормальный кофе я пью только тогда, когда варю его сам.

– Просто Джек, мистер Рэд. Всегда к вашим услугам.

– Тогда и меня зовите Джеком.

Гость со скрипом отодвинул самодельный стул, сделал пару шагов к ещё горячей печи и долго возился, стоя к Малышу спиной. Наконец, он сел обратно, сделал крошечный глоток из своей кружки и шумно выдохнул.

– А-а! – довольно произнёс гость. – Вот теперь можно и поговорить. Ведь вы что-то хотели мне сказать, Джек?

Да, мистер Рэд. То есть Джек.

Отец явно нервничал, его плечи стали напряжёнными, указательным пальцем левой руки он затеребил мочку уха. Малыш отлично изучил все повадки па, и знал, что тот так делает только когда очень взволнован. За столом воцарилось молчание, и мальчик тоже замер.

– Скажите, мистер Рэд, – наконец продолжил па. – Вы умеете гонять быков?

– Быков?! – гость отставил чашку и удивлённо посмотрел на собеседника. – Кажется, я делал это при вас. Прискакали какие-то четверо быков, и я их прогнал.

Отец засмеялся, но как-то напряжённо. Затем ещё раз дёрнул мочку уха и сказал.

– Я благодарен вам за этот поступок, Джек. Но сейчас я имел в виду кое-что другое.

Гость молча слушал и па продолжил.

– Когда вы сказали, что идёте в Игл Пасс, я решил, что вас послал нам сам Всевышний. Видите ли... дело в том...

– Не тяни, милый, – включилась в разговор ма. – Лучше скажи сразу. Мистер Рэд достаточно умен, чтобы тебя понять.

– Спасибо, мэм, – кивнул гость.

– Эх! – отец звучно приложил ладонь к собранной из досок столешнице. – В общем, нам нужно отсюда уходить. И идти мы решили в Педрас Неграс. Понимаете, почему я сразу подумал о провидении?

– Конечно. Это ведь там же, только по другую сторону границы. И, если я не ошибаюсь, вы хотите гнать туда своих быков.

– Всё верно, Джек. Всё верно. Собираюсь гнать их именно туда. Мне говорили, что в Педрас Неграс лучшая коровья ярмарка во всём Техасе.

– Ну, допустим, это уже не совсем Техас.

– И снова я с вами соглашусь. Это, конечно, уже Мексика, но думаю, что такая мелочь, как одна лишняя миля, вас не испугают.

Гость помолчал, затем понял на отца внимательный взгляд.

– Думаю, мистер Джонсон, вам стоит мне всё рассказать. Обычно я хорошо выполняю свою работу, если всё о ней знаю.

– Да, конечно.

Малыш не любил, когда отец так суетится, как сейчас. Он будто что-то выпрашивал у гостя без слов. Или чего-то стеснялся. И то, и то было мальчику неприятно.

– Посмотрите вокруг, мистер Рэд, – сказал тем временем отец. – И согласитесь, что эта хижина не очень-то похожа на дом преуспевающего ранчero.

– Вы правы. С моей точки зрения это больше походит на сезонный домик траппера. И то, что вы уютитесь здесь втроем меня очень удивило.

– А между тем, у меня почти сотня отличных мясных бычков, мистер Рэд. И это только то, что осталось.

– С таким стадом можно построить неплохое ранчо.

– Поверьте, оно у меня было. Отличное ранчо, на зависть всему восточному Техасу. У меня даже была настоящая заводская ванна, с самого восточного побережья. И рояль, мистер Рэд. Мелани отлично на нём играла. Иногда по вечерам

мы даже пели в два голоса.

– И что же случилось?

– Война, будь она неладна. Война случилась.

– Но война уже кончилась.

– Это так. Только лучше от этого не стало. Стало ещё хуже. Видите ли, сейчас почти все земли в графстве Раск принадлежат семье Эллиоттов. Это большая и уважаемая семья. Они выращивают хлопок. После войны спрос на хлопок вырос, янки и англичане стали закупать его в огромных количествах.

– И Эллиоттам понадобилась ваша земля.

– Вы смотрите в самую суть.

– Ранчо тоже сожгли они?

– Этого никто не видел, мистер Рэд. Никаких свидетелей, никаких доказательств.

– Но...

– Да. Уже год, с тех пор, как сгорело ранчо, мне нет покоя. Сначала приехал Уильям Эллиотт. Это старший. Как положено порядочным соседям, посочувствовал моему горю и тут же предложил купить мои земли. За две тысячи. А они стоят все десять.

– А потом начали приезжать сыновья.

– Хуже. Стали пропадать коровы.

– Как же вы их пасли в одиночку?

– У меня были работники. Четыре ковбоя и шесть мексиканцев. Но они вдруг все взяли расчёт. Уверен, их запугали.

– В общем, понятно. – гость сделал ещё один глоток.

– Это ещё не всё, мистер Рэд. Я уже почти смирился и хотел продать своих быков здесь. Но в Маунт Энтерпрайз дают всего двадцать центов за фунт, а в Каледонии и того меньше.

– А в Педрас Неграс?

– Смотря, когда. В обычные дни можно продать по полдоллара. А в ярмарочные, да ещё если выставить стадо на аукцион... Можно взять по доллару за фунт.

– По мексиканскому доллару, как я понимаю.

– Сейчас он называется «песо», но вы правы, в Педрас Неграс его всё ещё зовут долларом.

– Но стоит он всё так же доллар с третью.

– Всё верно, мистер Рэд. Всё верно.

– Ну что ж, мистер Джонсон, вы рассказали свою историю, думаю сейчас самое время перейти к вашему предложению.

– Всё просто, мистер Рэд. Я хочу нанять вас для перегона скота. Плачу пятьсот долларов.

– Вы сделали ошибку в слове «две тысячи».

– Две тысячи?! Но это же грабёж!

– Скажите, Джек, сколько коров вы потеряли за последний месяц? Десять? Двадцать? А сколько потеряете, пока найдёте другого такого же безрассудного ковбоя? А теперь посчитайте, сколько весит каждая корова и переведите эту цифру в песо.

– Ну хорошо, хорошо! Вы меня уговорили. Вы точно

немец, как и док Йохан фон Шульц. Тот тоже не умел торговаться по-хорошему, зато любому в двух словах мог доказать, почему ему стоит заплатить вдвое больше. Но вы его обошли, признаю. Так что? Согласны на эту работу?

– Погоним вдвоём?

– Вчетвером. Мелани отлично управляется со стадом, а Малышу Алю уже давно пора взрослеть.

– Опасно, Джед. Стадо в сотню голов – привлекательный приз для бандитов. Даже если продавать их по никелю за фунт. Я бы не хотел подвергать риску даму. И юного джентльмена тоже.

– Куда деваться, Джек? Но Мелани нагонит нас позже, в Колледже. Мы погоним стадо туда своим ходом, а она придет на поезде.

– А почему вы не хотите перевести быков по железной дороге, Джед?

– Мистер Рэд! Вы представляете себе, что такое сотня голов? Это никакого состава не хватит. Придётся везти их за десять рейсов. И не факт, что в пути, в духоте и без движения, мы не потеряем половину стада. Это если не говорить о цене за перевозку. Так что мы с вами сегодня выпьемся, а завтра возьмём в руки кнуты, лассо, и погоним моих коровок на юго-запад. А Мелани съездит в Каледонию, оформит купчую на землю, и догонит нас на поезде. Если вы согласны, то жена сейчас приготовит зайца, а мы с Малышом соберём пожитки. А потом будем спать. Предлагаю вам лечь на

сеновале. Там будет уютнее, чем вчетвером в доме.

– Согласен, мистер Джонсон. Только заведу Плотву в загон. Уверен, она соскучилась в одиночестве возле ограды. Наверное, уже всю траву вокруг себя объела.

Жора резко поднял голову над уровнем силикогеля и рывком сорвал с себя маску виртуальной реальности. Впервые за долгие часы вдохнул в себя настоящий воздух. Свежим его после игры назвать было сложно. Там, в виртуальном Техасе, воздух пах зеленью, цветами, иногда древесными опилками, навозом, близкой водой или рыбой. Но всегда это были свежие запахи. А здесь... Первые несколько минут после выхода всегда хотелось прочихаться, выкашлять из лёгких запах бензинового дыма, слежавшейся в квартире пыли.

Жора с чмоком вытащил левую ногу и промокнул её полотенцем. Вроде и гидрофобный гель, а всё равно, ощущение, будто ноги из грязи выдёргиваешь. Он тщательно вытер сухое тело, ловким движением натянул трусы, и направился в кухню. Есть не хотелось, но привыкнуть к тому, что виртуальная еда в игре насыщает по-настоящему он не мог. Поэтому первое, что делал после каждого выхода – отрезал кусок хлеба и клал на него толстенный ломоть колбасы. Ну и чай, куда ж без него.

– Да, вот и взял квест, – сказал сам себе Жора между глотками. – Теперь, если что, не бросишь.

До начала квеста осталось меньше восьми часов. Сам он никогда ещё не сливал задания в игре. Если признаться, это и было его первое задание. Но то, что он читал, не добав-

ляло оптимизма. Некоторые квесты, если их бросить, могли обернуться плакатами с рисованной физией геймера в каждом салуне. Иногда даже с надписью «живым или мёртвым». Хотя, чаще всего ничего подобного не случилось. Банально падала репутация, отворачивались знакомые неписи, а кое-где в спину звучали шёпотки, что мол, это тот, который... и дальше описание.

Жора одним глотком допил чай и шумно придвинул к себе ноутбук. Надо бы трассу изучить. Хоть и игра, но стоит подойти к заданию серьёзно и взвешенно. Игра вообще располагала к основательности. Мир, напоминающий американский запад конца позапрошлого века, когда вчерашние новости казались самым свежачком, телеграммы шли сутки, а поезда ошалело неслись сквозь великие равнины с дикой скоростью тридцать, а то и все сорок километров в час.

Но самым привлекательным было не это. Жору привлекали отношения в игре. Ведь не может не нравиться военному пенсионеру, ветерану четырёх горячих точек, мир, в котором мужчина ценится не за то, сколько денег он получает, хотя и это, несомненно, важно, а за то, может ли он постоять за себя. Мир, где любой подонок остановится, глядя на направленный в лицо ствол.

Майору Георгию Сицкому, можно сказать, повезло. Минобороны выделило не только сертификат на жильё, но и бесплатную виртуальную капсулу. Хакеры, которые устанавливали систему, рассказали про игру много интересного, но

всё равно Жора сначала внимательно изучил игровой мир, и только потом совершил первую вылазку.

Игра «Wonderful Wild West», или по-русски «Чудесный Дикий Запад» была создана в странах НАТО. Трудились двенадцать компаний из Штатов, Европы, и это, не считая одиночных программистов из Индии, России и Украины. Изначально это должен был получиться проект для тамошних ветеранов с целью снизить напряжение в обществе. Но что-то у них не пошло, и правительство Российской Федерации с удовольствием купило игрушку для своих отставников. Жора их прекрасно понимал. В нашем нездоровом обществе человеку, который провёл большую часть жизни, глядя на других сквозь прицел, мягко говоря, неуютно. И вылиться это может во всё, что угодно. Он вполне себе представлял, что такое даже тысяча бывших вояк. Привыкших к организованности, самоотверженных, умеющих убивать. А их в стране гораздо больше. Так что в Кремле правильно поступили. Он и сам вторую неделю с удовольствием спускал пар, лёжа в капсуле.

– Стоп... – Жора увеличил картинку на весь экран.

На стене угольной шахты чернела выведенная копотью подозрительно знакомая летучая мышь. Её там никак не могло быть. По многим причинам. Во-первых, это игра. Во-вторых, игра эта изображает девятнадцатый век, а мышка на шевронах появилась только в девяносто третьем. Тысяча девятьсот, понятное дело. Да даже, если и раньше её «малошум-

ные» рисовали, то всё равно уже в двадцатом веке. И наконец, Жора отлично знал эту мышь, видел на фото. Более того, знал, кто её нарисовал, и когда.

Их было три друга, как в сказке. Георгий Сицкий, Олег Кулик и Петька Устинов. Как вместе учились, так вместе и выпустились. А потом их пути разошлись. Обычное дело для молодых зелёных летёх. Жора попал так, что и врагу не пожелаешь – ЗабВО. На офицерском жаргоне это не только Забайкальский Военный Округ, а ещё и «Забудь Вернуться Обратно». Молодая жена, с которой и расписался-то в надежде на более приличное распределение, не прожила в забытом богом военном городке и недели. Сам Жора с трудом выдержал два года по полуторной ставке. А потом ему улыбнулась удача. Пришла разрядка на переобучение. Сначала лейтенант Сицкий даже не интересовался, на кого зовут учиться. Главное – в Европе, то есть с той стороны Урала. И только подписав рапорт, обратил внимание на профиль обучения. Военная разведка ГРУ. «Мышиные войска». «Мало шумим, много слышим».

А самым удивительным было то, что под Нижним Новгородом три друга снова встретились. И снова учились вместе. А после окончания учебной части вместе поехали в северную Африку. Жора с позывным Рэд, Олег-Злобный, и Петька-Каштан. И служили в одном подразделении, пока Петюня не выкинул свой знаменитый финт ушами.

Они тогда помогали дружественному арабскому клану,

который дрался с таким же кланом, но только уже недружественным. Причиной спора были, понятное дело, нефтеносные участки. Нашим арабам помогали наши инструкторы, не нашим, соответственно, американские. Всё как всегда. Только в этот раз Петьку угораздило попасть в плен. Взяли тёпленького за нежное подбрюшье.

Ну, дело житейское. Побухал он пару недель с пиндосами, а там клановая заварушка и кончилась. В ненашу пользу, кстати. И совсем уже пора было бы военнопленного опохмелять и торжественно выпроваживать в родную часть, тем более, что гости к нему с нашей стороны фронта зачастили. Бегали по ночам как к себе домой, чисто пятьдесят грамм принять за здоровье друга. Да тут на его беду заинтересовался российским разведчиком один ихний штабной полковник. Не иначе, решил за его счёт лишнюю звёздочку на погон хапнуть. Так что пригласил он похмельного пленника в свою страну Пиндосию на должность какого-то мутного инструктора. Причём, приехал уже с бумагами на гражданство и в сопровождении целой своры всяких психоаналитиков в штатском.

Сейчас, по прошествии десяти лет, Жора стал по-другому смотреть на поступок друга. Более одобрительно. И сам бы, чего греха таить, наверное, теперь поступил так же. А тогда сколько вони было! Молчи-молчи обоих оставшихся друзей затрепали, как Полкан газету, чуть со службы не попёрли, но в итоге дело обошлось парой десятков рапортов и объяс-

нительных. Даже взысканий особых никому не выписали. А Петька, точнее теперь мистер Питер Устинов, только через три года письма начал писать, не иначе дал друзьям время на всё обдумать.

Вот он-то, Петюня, полтора года назад и прислал фото собственноручно нарисованной коптящей свечкой мыши. Именно в этой мексиканской шахте. Старой, заброшенной, понятное дело. Рассказывал, как у них просто за границу сгонять. Захотел – вот она Мексика, никаких проверок, виз и прочей фигни. Ну, Петя сел в машину и двинул на шашлыки в соседнюю страну. А чтобы мексиканцы особо не расслаблялись, нарисовал им там значок военной разведки. Мол, тут мы, всё видим.

Сицкий разблокировал телефон, долистал фотографии до нужного снимка и приложил экран к монитору.

– Мышка, мышка, как же ты туда залетела? – пробормотал он.

Не прошло и пяти минут, как Жора прижал телефон к уху и слушал длинный гудок.

*Да-ле-ка дорога твоя.
Далека дика и пустынна.
Эта даль и глушь
Не для слабых души.
Далека дорога твоя.*

Песня лилась сама собой, без участия разума. Жора, или скорее, Джек, даже не знал, что где-то в глубинах подсознания помнил её. И сейчас, на четвёртый день путешествия напевал абсолютно машинально, как акын, который «что вижу, о том пою». Вокруг ведь действительно была безбрежная степь, плоская, как тарелка, жаркая, заполненная оглушительным стрекотанием местных кузнечиков, крупнее которых по уверениям самих техасцев только австралийские кенгуру. И даром, что называлась она «прерия», всё равно ничем не отличалась от хоженной-перехоженной казахстанской степи. То же унылое, выжженное тропическим солнцем безлюдье с редкими куцыми рошицами, больше похожими на разросшиеся кустарники, зелёными заплатками родников и наполовину пересохших речушек. В таких местах погонщики обычно останавливались на водопой, а если вода встречалась вечером, то и на ночлег.

В начале пути Джек проникся уважением к местным парням, управляющимся со стадами в несколько тысяч голов. Сам он сбился с ног и почти загнал Плотву, сбивая в компактную группу две сотни быков и коров. Джек в силу природной предприимчивости выменял часть вырученных денег на ещё одно такое же стадо, и теперь начинающий ковбой руководил группой, вдвое превышающей изначальную численность личного состава. Что не добавляло ему радости от работы.

Но уже к вечеру первого дня, пройдя чуть больше двадцати миль, он заметил, что мычащую ораву ведёт в основном не он, а головной бык. Этот мускулистый телок на полтонны веса всю первую половину дня отбивался от новичков, желающих оспорить его главенство. Зато теперь стадо покорно следовало за ним. И быки, и коровы, и старые, и новые. Погонщику оставалось лишь направлять ведущего в нужную сторону. А к концу перехода Джек понял, что и для управления одним быком необязательно носиться вокруг как угорелому и орать на весь Техас. Они наконец-то нашли с вожаком общий язык, и под вечер бык заворачивал куда следует, лишь завидя лошадь с противоположной стороны. Но всё равно, на привал Джек Рэд плюхнулся почти без сил.

– Твоя лошадь завтра скажет тебе спасибо, – Джек поднял жестяную кружку.

В ответ Рэд сделал удивлённое лицо.

– Ты за сегодня научился неплохо управлять стадом,

Джек, — пояснил босс. — Завтра ей не придётся гонять по всей прерии. Это твой первый раз?

— Так заметно?

— Да уж куда заметнее, — отец и сын засмеялись в два голоса. — Но я вижу, что дальше пойдёт лучше. А пока сходи, ополоснись. Ручей вон там.

С тех пор прошли три дня, и Джеку временами казалось, что это никакая не игра, а самая что ни на есть реальная реальность. Что нет никакого двадцать первого века, а сам он всю жизнь гонял стада по выжженным прериям, отпугивал по ночам волков выстрелами, пил на привалах отвратительный кофе, и варил кашу из кукурузного зерна с вяленым мясом.

На следующий день они должны были встретиться с Мелани — женой Джедедайи. Стадо провели мимо новенькой железнодорожной станции «Колледж» и остановились на ночевку милях в пятнадцати к востоку, не доезжая пяти миль до городка с претенциозным названием «Плезантвилль».

В этом месте на них и напали часа в четыре утра. Выручил погонщиков тот самый бык. Когда к стаду приблизились чужие, он тревожно замычал на всю округу. Через мгновение Джек был уже на ногах с винтовкой в руке, и первые секунды ничего не мог понять. Солнце ещё не показалось над горизонтом, всё вокруг было покрыто серой предрассветной мглой, поэтому ему понадобилось какое-то время, чтобы разглядеть десяток суетливых теней, мелькающих

среди стада.

Пригибаясь, Рэд кинулся в сторону неожиданного движения, и в это время Джонсон вскочил на своего коня.

– Хей!!! – заорал он и дважды выстрелил. – Пошли прочь!

Стрелял, похоже, в воздух, столб пламени из ствола вырывался почти вертикально вверх. Зря, подумал Джек. Отличный ориентир, если кто-то соберётся ответить.

Справа, метрах в двадцати слышались нечастые выстрелы, раздался залихватский свист в несколько молодых голосов попеременно с недовольным мычанием. На фоне серого неба ослепительно горели вспышки из стволов и металась чёрная тень. Джек мгновенно сосчитал налётчиков. Десятеро. Все конные. Трое с кнутами, которыми они сейчас старательно отгоняли часть стада. Остальные прикрывали, обеспечивая необходимую плотность заградительного огня. Проще говоря, то и дело лупили, судя по звукам, из револьверов, в сторону потухшего костра.

Рэд выдернул из-под одеяла семьдесят первый Маузер, привычно перевёл флажок предохранителя влево. Хорошая винтовка, только слишком длинная. Он погладил безотказную «мышеловку» по гладкому ложу. Здесь таких не носят. Уж больно громоздкая для седла. Потому и ему приходится держать свою «тяжёлую артиллерию» среди вещей, завернутой в одеяло, а в качестве основного оружия использовать привычный Винчестер. Но сейчас пришёл как раз её час.

Джек, пригибаясь и стараясь не обращать внимания на

шум и суматоху, потрепал по холке ближайшего быка. Тот что-то мукнул в ответ, но вёл себя дружелюбно. Ложа винтовки удобно легла на густую шерсть, бык повернул голову, но возражать не стал. Теперь поймать в перекрестье ближнего.

Выстрел получился на редкость удачным. Бандит резко завалился на спину, и кнут, которым он хотел хлестнуть корову, попал по его напарнику. Тот замер. Ненадолго, как раз на достаточное время, чтобы поймать лбом пулю. Мохнатая шея быка дёрнулась от грохота, он подал голос и нервно замолотил хвостом.

Загремели ответные выстрелы, в быка полетело не меньше двух десятков пуль. Раздался недовольный рёв, и полутонная махина двинулась на обидчиков. Бык шёл медленно, раненый, бежать он не мог, но и сдаваться не собирался. Джек еле поспевал, укрываясь за его боком.

Теперь стрелять приходилось с рук, но и следующие три выстрела не прошли мимо. Пятеро оставшихся на секунду замерли, затем дружно повернули коней обратно. Слева недовольно затараторил револьвер Джеда, одна из лошадей налётчиков запнулась и начала заваливаться на бок. Бандит виртуозно спрыгнул на землю, мгновенно перескочил на другую, оставшуюся без седока, и рванул во тьму.

Рэд выбрался за пределы стада, упал плашмя на живот, и поймал в прицел одного из седоков.

– Оставь, Джек. До них уже ярдов триста, – проговорил

Джонсон.

Выстрел. В сёдлах осталось четверо. Мгновенно передёрнуть затвор. Спуск. Теперь трое. Затвор. Щелчок...

Трубчатый магазин Маузера рассчитан на восемь патронов, куда же делся ещё один?

– Вот дурак... – укорил себя стрелок. Ведь он сам перед стрельбой открыл затвор, видимо, патрон и вылетел.

Топот копыт растаял в предрассветной мгле. Джек, кряхтя, поднялся на ноги и обернулся. Восток уже розовел, колышущееся стадо было отлично видно. На посветлевшей земле лежали пять трупов, никак не желающие успокоиться коровы перетапывались с ноги на ногу, старательно обходя неподвижные тела. А на него с восторгом и удивлением смотрел мистер Джонсон.

– Мистер Рэд, да вы, я гляжу, настоящий ганфайтер, – в голосе Джедедаи звучали вперемежку одобрение и легкая зависть. – Пятеро, один к одному, как кабачки на грядке. А какая пушка у тебя! Прямо мушкет.

– Вообще-то семеро, – поправил Рэд, – но кто их считает? Джонсон рассмеялся и указал на тяжело дышащего раненого быка, который лежал прямо перед ним.

– А ещё мальчишки обеспечили нас отличными отбивными к обеду. Мелани будет довольна.

– Джек, ты что, правда уложил семерых бандитов? Одним махом? – Малыш появился как чёртик из коробочки и теперь стоял, сжимая свою незаряженную винтовку. Рэд даже забыл

о нём в пылу схватки, и теперь радовался, что мальчик не высунулся раньше.

Через час семеро налётчиков уже лежали рядом, в сотне метров от стоянки, чтобы не раздражали запахом. Когда тела освобождали от лишнего имущества и оттаскивали, Джек смог хорошо их рассмотреть. Все примерно одного возраста, не старше двадцати пяти, одеты в грязные рубашки и такие же штаны. Было непонятно, как можно запустить себя до такой степени. Одежда стирана хорошо, если год назад. Брились ребята, похоже, тоже тогда. Но зато оружие... Пистолеты налётчиков выглядели ухоженными, пояса чистые, до блеска натёртые касторовым маслом. Рэд указал Джеду на несоответствие, но тот только улыбнулся.

– Ты что же думаешь, это они так не любят гигиену? Ты не угадал, Джек.

– Маскировка! – понял Рэд.

– Конечно. Ведь если парни решат кого-то ограбить, лучше, чтобы этот кто-то заметил налётчиков как можно позже.

– Ну, нашего быка им обмануть не удалось.

– Да. Хоть не продавай его теперь, а строй будку во дворе нового дома, и сажай эту тушу на цепь.

Бандиты им достались до обидного нищие. На всех в карманах лишь сорок один доллар серебром, три расчёски, пачек табачной жвачки, и две самодельные сигары. Малыш протянул Джеку широкополую шляпу одного из мертвецов.

– Вот. Это лучше твоей.

– Я не ношу одежду покойников, малыш, – отказался Рэд. – Плохая примета.

Мальчик некоторое время покрутил стетсон перед собой, затем без сожаления запустил в середину стада. Пару секунд шляпа лежала на спине какой-то коровы, затем соскользнула на землю и пропала под копытами.

Мелани Джонсон приехала как раз к обеду. Какое-то время супруги делились новостями, мужчины выслушивали женские охи и ахи. Потом он оставил Джонсонов наслаждаться обществом друг друга, а сам решил, раз уж сегодня стадо остаётся на месте, съездить в близлежащий городок, проветриться. Тогда Мелани всучила ему четырёхколёсную бричку, на которой приехала, а на неё заставила погрузить тела бандитов и велела отвезти их к местному шерифу. Вдруг за них полагается награда?

*По-за-ди уже полпути
Впереди ещё полдороги...*

Жора пел по-русски, время от времени давая петуха, когда нескладный экипаж подскакивал на очередной кочке. Очень не хватало ремней безопасности, потому что примитивные рессоры, собранные из трёх железных полос, совсем не справлялись со своей задачей, и несчастного водителя кобылы подбрасывало на неровностях.

— Да... Долго ещё ждать независимой подвески. — проворчал Георгий. — Да и знаменитых американских дорог тоже.

До городка оставалось ещё с полмили, приходилось торопиться, потому что мёртвые бандиты за сиденьем, на площадке, приспособленной под груз, начинали пованивать. А коляска катила прямо под ветер. Навстречу с промежутком в минуту попались три почти таких же экипажа. Отличались только цвета. Люди в них, поравнявшись с Сицким, морщили носы. Жора в ответ лишь пожимал плечами. Ну в самом деле, не бросать же тела на дороге. Хочешь, не хочешь, а их надо передать местному шерифу. Пусть проверит, не в розыске ли, зарегистрирует как ликвидированных, и отдаст команду гробовщику. Непорядок, если уже мёртвые бандиты будут считаться живыми. Так что Джек Рэд кривился, но мужественно терпел всё усиливающуюся на жаре вонь. Так и въехал в Плезантвилль с перекошенным лицом.

Роджер Твид вошёл в контору, прислонил к стене винчестер, и поставил кофейник на керосинку. Помощник судьи возле своего стола собирал бумаги в объёмистый портфель. Он посмотрел на вошедшего судью и покраснел.

– Ты хочешь остаться, Родж? – смущённо спросил он.

– Это мой город, Мэт, – Твид пожал плечами. – Кому я его оставляю?

– Родж, ты не хуже меня знаешь, что Билл Скиповски едет именно за тобой.

Судья обвёл рукой стол помощника и поинтересовался:

– А ты тогда зачем пакуешь вещи?

– Это же Скип, Родж! Ему же между делом завалить пару-тройку человек, что тебе выпить чашку кофе. Так что... – он поднял со стола исписанный лист и потряс им перед собой. – Я вот написал записку, что иду на неделю в отпуск. Мне срочно нужно проведать больного дядю.

– Или тётю, – поправил судья.

– Да. Или... Да какая разница, Родж? Ты прекрасно знаешь, что у меня жена и трое маленьких детей. Младшей, Либерти, вообще полтора года отроду. И если этот отморозок меня по ошибке завалит, кто будет кормить мою семью? Ты?!

– Мэтью, я ни слова не сказал против. Если ты считаешь, что так лучше, собирайся.

– Я и собираюсь. И, по моему мнению, ты зря этого не делаешь. Скип ведь идёт именно за тобой. Если тебя не будет в городе, ему нечего будет предъявить остальным жителям.

– Нет, Мэт. Это будет неправильно.

– Ну, тебе видней, ты судья, – проворчал помощник, подхватил битком набитый портфель и выскочил за дверь. Через пару секунд раздался его вскрик и сразу же торопливо удаляющийся топот копыт.

Судья Роджер Твид снял сюртук, привычно повесил его на стоящую в углу вешалку, и начал прилаживать на пояс ремень с револьвером. Давненько уже не приходилось надевать на себя эту сбрую. Вон, и до привычных дырочек не дотянуться, пришлось застёгивать на целых два дюйма шире. И ноги располнели, ремешок еле привязал. Он встал перед столом и постарался ловко, как когда-то, выдернуть револьвер из кобуры. Отвратительно! За то время, пока он тащил Смит-Вессон, стрелок вроде того, каким был Родж семь лет назад, пристрелил бы судью дважды. А если учесть, что палец без привычки не взвёл курок, а бессильно соскользнул с собачки, то дело обстоит ещё хуже. Твид сунул оружие в кобуру и попробовал снова. Ерунда это всё. Он судья и мэр этого никчёмного городка, а давно уже не маршал.

Роджер прошёлся по кабинету, привыкая к весу кобуры на ноге. Тоже плохо. Мало того, что простреленное колено не давало развить достаточного темпа, ещё и дополнительный вес тянул ногу к земле. Он встал возле двери и вновь потя-

нул револьвер. Уже лучше, но всё равно медленно. Деваться некуда, придётся просить помощи.

Роджер Твид поморщился. За десять лет, что он провёл в Плезантвилле, он никогда и ни у кого не просил помощи. Сначала маршалом, затем судьёй, а когда шахты закрылись, и в городе осталось не больше половины жителей, то и мэром. И никогда не просил помощи. Десять лет назад, на заре карьеры, он один положил банду Роста, которая терроризировала шахтёров. Тогда записываться в депутаты – помощники маршала – прибежало почти полгорода. Шутка ли, работать в паре с самим Твидом.

Судья улыбнулся, вспомнив, как отбирал депутатов. Организовал на заднем дворе офиса небольшое стрельбище, там и проходил основной конкурс. Становились с очередным желающим в десяти ярдах друг от друга, а в третий угол треугольника ставили полено. Стреляли по команде. Никому не удалось повалить полено в его сторону, всегда Твид успевал первым. И мало, кто знал, что основной отбор начинался после стрельбы. Те, кто злился, зыркал раздражённо, или ругался, сразу отсеивались. А вот тех, кто просил повторить, Твид брал на заметку. К таким не страшно было в бою спиной поворачиваться. Надо ли говорить, что за три года совместной работы вся команда маршала сдружилась.

А потом в городе появился Скин, или Билл Скиповски. Сын обычного ранчero, выходца откуда-то из Восточной Европы, Билл в шестнадцать уже сколотил немаленькую банду

таких же бездельников, и наводил ужас на работников свинцовых шахт. И ничего, гад, не боялся. Сколько раз пытались его взять, да всё без толку.

Последний раз он сам приехал в Плезантвилль. Твид прекрасно помнил, как толпа вооружённых молокососов двигалась с видом хозяев города, перегородив всю дорогу. И как их встретили пятеро депутатов во главе с маршалом. Шестеро против семнадцати.

Десяток малолеток завалили с первого барабана. Потом бандиты подстрелили Тео Свенсона, длинного, нескладного шведа. И Скип озверел. Он лупил в каждую шевелящуюся тень, крушил всё, что попадалось на пути. Ни за что заплатились трое гражданских, женщина, и два негра. Сгорела конюшня, в десятке домов были разбиты стёкла, поломаны двери. Горожане не знали, куда прятаться.

Взял Скипа лично Твид, и то, лишь когда парень оступился на лопнувшей под ногой доске тротуара. Потому и получилось захватить его живым. Оставшиеся двое ушли, наградив напоследок маршала пулей в колено. Бешеного Билла хотели сразу повесить, но тогдашний судья велел везти заключённого в федеральную тюрьму. Дескать, за этим отморозком числятся делишки не в одном штате.

И вот результат. Из-за войны Скиповски вместо виселицы получил пожизненную каторгу, которую отбывал на строительстве железных дорог. Это-то понятно, много молодых людей встало под ружьё, работать стало некому. А вот поче-

му после войны Билла помиловали, только Бог знает. И вот теперь он с двумя дружками направляется в Плезантвилль. Со станции «Колледж» уже телеграфировали, так что гостей следует ожидать самое большее, через пару часов. И одному Твиду с ними никак не справиться.

Судья мрачно хромал по ставшей непривычно пустой улице в сторону конторы маршала, машинально отметив по пути въехавшую в город незнакомую повозку. Возница был один, его одежда казалось серой из-за толстого слоя пыли. Незнакомец въехал в город, улыбнулся прибитой к магазину Дадли табличке с надписью: «Мэйн стрит», и неспешно покатиł дальше. Больше никого на улице не было. Как тогда, три года назад, когда истощилась свинцовая шахта, и в городе разом освободилась почти треть домов.

Плезантвилль чуть не вымер. И вымер бы, превратился в город-призрак, как во множестве разбросанные по прерии. Помогло то, что Юго-Западная железнодорожная компания пообещала провести через город свою линию. Не провела. Свернули на Колледж. Но город это всё равно спасло. Как-то приспособились оставшиеся без работы шахтёры, нашли себе другое занятие. А Твид начал совмещать должность судьи с должностью мэра.

У шерифа подпирали стену двое помощников. Эд Бигли не любил называться маршалом. Упорно звал себя шерифом, будто здесь не окружной город, а всё ещё территория, как десять лет назад. И звезду носил пятиконечную.

Сейчас он стоял, опершись ладонями на стол, и выговаривал обоим своим помощникам.

– Привет, Родж, – он прикоснулся к ведёрному Стетсону. – Вот, никак не могу уговорить этих охломонов выйти на улицу с оружием.

Судья посмотрел на пунцовые от стыда лица помощников. Стив и Рой. Обоим только-только стукнуло восемнадцать. Сопляки. В принципе, шериф без них ничего не терял. Эти двое годились только на то, чтобы надувать щёки от важности и заставлять окрестных ковбоев выколотить от пыли одежду перед посещением салуна.

– Отпусти их, Эд. Мы и вдвоём справимся.

– Вдвоём? – Бигли покраснел не хуже своих подчинённых. – Видишь ли, Твид... мне... я... в общем, я не могу. Вот, держи.

Шериф со стуком бросил на столешницу пятиконечную звезду, схватил пояс и мухой шмыгнул в заднюю дверь.

– Эд! Эд! – Закричал Рой. – Ключи! Ты забыл отдать ключи!

Юноша стремглав кинулся за ним, следом с криком «Меня подождите!» рванул Стив. Офис опустел.

Это было плохо. Времени до визита Скипа осталось никак не больше часа. Осталось одно средство. Судья достал из верхнего ящика ключ, снял с крючка Винчестер шерифа, и приколот к лацкану пиджака пятиконечную звезду. Проверил магазин, полный, повесил винтовку на плечо, вышел, и

тщательно запер дверь. Идти было недалеко.

После закрытия шахты Плезантвилль пережил не лучшие времена. Треть домов остались без хозяев, так что город теперь занимал всего две улицы. Да и то, на главной, названной без особых изысков, «Мэйн стрит», часть домов была нежилой. Два салуна, почти друг напротив друга. Один «Радость шахтёра», другой, названный менее пафосно: «У Билли». Городские конюшни, мэрия, она же суд. Офис шерифа, он же временная тюрьма или каталажка, да пожарная охрана. Добровольная, организованная после прошлого визита Билли Скиповски. А значит, людей там не было, только повозки с бочками да помпа со шлангом. Вот туда сейчас и направлялся судья. За зданием пожарки жил Гуннар Свенсон, старший брат убитого Теодора.

В доме горел свет, слышались раздражённые голоса. Твид остановился и прислушался.

– Ты что, хочешь, чтобы меня застрелили? – приглушённо сипел мужской голос. – А кто тебя кормить будет? Ты же не хочешь умереть под забором?

– Но Гунни, – возмущалась в ответ женщина. – Ты заставляешь меня говорить неправду. И потом. Судья сразу поймёт, что я вру. Какими глазами я буду на него смотреть?

– Да никакими не смотри. Думай о нас и о детях. Каково будет Эмили без отца?

– Но... – женщина явно сомневалась. – Что я ему скажу, Гунни?

– Не знаю. Скажи, что я вчера уехал на охоту.

Судья постоял некоторое время, затем вздохнул и пошёл обратно. Оставались ещё двое. Те, из старой гвардии, но сейчас Роджер сомневался, стоит ли к ним идти. Если бы собирались помочь, пришли бы сами. Незаметно он выбрался на Главную и остановился, пропуская повозку со знакомыми. Билл Торнтон с дочерью, как её? Аманда. Ехали в сторону Колледжа. За сиденьем два чемодана и множество узлов. Роджер приподнял шляпу.

– Моё почтение, судья, – Билл остановился.

– Уезжаешь? – констатировал Твид. – Бросив салун?

– А куда деваться, сэр? Нет, если бы не она, – кивнул в сторону зардевшейся девушки, – я и с места бы не двинулся. Но вы ведь знаете, что Скин, чтоб ему об собственные ноги спотыкаться, в прошлый приезд проявил к малышке внимание.

– Я всё понимаю, Билл, – кивнул судья. – Счастливого пути.

– И вам удачи, сэр. Я очень надеюсь, что всё кончится хорошо.

Крысы бегут с корабля, подумал Твид, подходя к мэрии. Скорее всего ещё пара-тройка домов сегодня осталась без хозяев. Те, в которых есть девушки на выданье. Никто не верит, что городок, в котором давно перестали носить оружие, справится с озлобленными бандитами.

Твид поставил второй Винчестер рядом со своим, ещё па-

ру раз выдернул Смит-Вессон из кобуры, и замер. Какой-то посторонний звук в кабинете. Судья напряжённо огляделся. Он совсем забыл про кофейник. Напиток вскипел, залил керосинку, и сейчас в абсолютной тишине кабинета еле слышно шипел на остывающей конфорке.

Некоторое время Роджер Твид молча сидел за столом и нервно барабанил пальцами по столешнице. Наконец, встал, подошёл к кофейнику и поднял его за ручку, проверяя, не весь ли кофе выкипел. К счастью, кое-что ещё осталось. Хватило почти на полчашки. Он поставил кофейник на место, и вдруг резко развернулся к двери, выдёргивая пистолет. Плохо. Очень медленно. Судья прекрасно понимал, что шансов против троих бойцов Скипа у него нет. Почему он не уехал из города вместе с остальными? Этого он и сам не знал. Может, потому что не дело бегать от собственных страхов. Может, потому что Дикий Билл, если уж решил отомстить, всё равно его найдёт, рано или поздно.

Но скорее всего, истинных причин было две. Первая, это город, которому всерьёз достанется, когда Скиповски не найдёт Твида. А вторая – он сам. Между ним и Скипом осталось незаконченное дело. И было бы совсем не по-мужски его бросить. Он вновь потянул ствол из кобуры. Увы, чтобы вернуть былую скорость, следует долго тренироваться. И то вряд ли. Возраст, к сожалению, никому не добавляет прыткости. Роджер повертел револьвер на пальце, как когда-то, проверил барабан, и со стуком положил оружие на столеш-

ницу. Так хоть мизерный шанс есть. Он сел, обхватил кружку с кофе обеими ладонями, как когда-то в прерии, и замер, глядя на поднимающийся пар.

Сначала Сицкий хотел ехать сразу к шерифу, избавиться от раздражающей вони. Но, въехав в городок, передумал. К представителю власти лучше ехать хорошо выглядящим. Так доверия больше. Поэтому, остановился возле широкой витрины, состоящей из мелких стеклянных квадратиков. Над ней висела облезлая белая вывеска с двумя схематичными аптечными пузырьками, ножницами, расчёской, и надписью: «Фишер’с Барбершоп Фармация».

– Молодой человек, выколотите сначала одежду, – произнёс сварливый голос из сумрачной глубины помещения. – У меня здесь чисто, знаете ли. Приличные посетители здесь бреются, умываются. А вы со своей пылью. Оно мне надо?

Пожилому парикмахеру явно давно не требовались собственные услуги. Его голова напоминала яйцо в гнезде. Лысая макушка, обрамлённая пучками всклокоченной шерсти. Он кивал в такт собственным словам, и солнечный зайчик, отразившись от его темени, носился взад-вперёд по потолку. Жора рассмеялся, и вышел наружу.

Когда через минуту он вернулся, мастер уже стоял возле покрытого когда-то белой простынёй кресла.

– Нуте-с, присаживайтесь, юноша. Буду приводить вас в порядок.

– И даже не спросите, как меня постричь?

– Ой, я вас умоляю! Да как можно стричь в этой замше-
лой дыре? – Он говорил, а ножницы в руке, будто сами по
себе, порхали возле ушей Георгия. – Это вам крупно повез-
ло, что зашли ко мне. Знаете, как стригутся на любом ранчо
в округе? Хотя, кому я это всё рассказываю? Вы же одеты
в клетчатую рубашку, поверх штанов у вас кожаные чапсы.
Ещё и револьвер на поясе. Уверен, вы сами не один раз ви-
дели, как один ковбой надевает на голову другому котелок,
и состригает всё, что торчит.

– Под горшок, – произвольно произнёс Жора по-русски.

– Совершенно верно, – парикмахер непринуждённо пере-
шёл на другой язык. – Так это и называлось в благословен-
ной Российской Империи. Под горшок.

Старик внезапно прервал своё занятие, сделал два шага
назад, почти упёрся в стену спиной, и с минуту внимательно
осматривал Георгия. Наконец, кивнув каким-то своим мыс-
лям, он улыбнулся и протянул руку. Без ножниц.

– Джейк Фишер. Или, если вам так будет удобнее, Яков
Лейбович Фишман. А вы кем будете, молодой человек?

Георгий несколько опешил от подобного вопроса. Кем он
будет? Подобного вопроса ему не задавали уже лет двадцать.
В жизни, скорее всего, так и останется пенсюком, а в игре...
Время покажет. И только потом он вспомнил, что именно
так раньше просили представиться.

– Джек Рэд. Или, как вы говорите, «если вам так удобнее»,
Георгий Сицкий. Вы давно здесь, Яков Лейбович?

В ответ мастер усмехнулся, вновь подхватил ножницы и расчёску, и продолжил своё дело. А попутно рассказывал, как молодой аптекарь Яша Фишман к двадцати годам понял, что Армавир – городок небольшой, и открыть в нём свою аптеку юному Яше никак не светит. А ехать в большой город не позволяет черта оседлости. И тогда Яша поехал в Североамериканские Соединённые Штаты. Где, по словам знающих людей, нет никакой черты оседлости. Наоборот, страна семимильными шагами стремится на запад, людей не хватает, поэтому рады всем.

– А для аптекаря, я вам скажу, Техас – настоящая земля обетованная. Ведь вы потом обратите внимание. Сейчас не вертите головой, а то отрежу что-нибудь не то. А когда закончу, гляньте на витрину. Здесь в аптеке совсем не то, что в Империи. Здесь кроме хинина и стрихнина на прилавке можно увидеть даже порох и кожаные седла.

– Порох? – Жора порывался повернуться к собеседнику, но мастер твёрдо схватил его рукой за затылок. – Чёрный или бездымный?

Этот вопрос задал новый виток монолога ещё на пару минут. Сицкий понял, что старик давно мог бы закончить возню с его волосами, но специально тянет время, чтобы подольше поговорить. То ли соскучился по русской речи, то ли просто любитель поболтать. Он долго рассуждал на тему закоренелости местных нравов, из-за которых окрестные ковбои не хотят покупать с таким трудом добытый «Вьель»,

предпочитая проверенный дымный порох. И вот, выписанные из самой Луизианы десять фунтов валяются на полке без дела.

Наконец Яков отступил, торжественно держа ножницы в приподнятой руке. Он удовлетворённо смотрел на дело рук своих и кивал.

– Хорошо получилось? – поинтересовался Жора. – Шериф меня не спутает с кем-нибудь из объявлений о розыске?

– Я вас умоляю, молодой человек. Нашему шерифу сейчас совсем не до этого. Он полчаса назад так торопился сбежать из города, что я боялся, как бы у его лошади подковы не отлетели.

Сицкий встал и отряхнулся от возможных волос.

– Это плохо, – прокомментировал он. – Я ему семь трупов вёз не опознание.

– А! Так вы хэдхантер? И кого взяли, если не секрет?

– Понятия не имею. Мы стоим со стадом в семи милях отсюда. Перед рассветом десять каких-то негодяев решили, что могут обить у нас сколько-то коров для себя. Они ошибались, и теперь семеро из них воняют у меня в повозке. Я привёз их шерифу, вдруг за них какая-то награда положена.

– Это вы абсолютно правильно решили. Если государство за что-то платит, грех отказываться. Но как же вам теперь быть?

Парикмахер почесал лысую макушку тонкой ручкой расчёски, затем сделал несколько шагов взад-вперёд до прилав-

ка и обратно. Наконец, он остановился перед клиентом и вновь кивнул головой.

– Увы. – Развёл руками Фишман. – Вам остаётся только везти свой груз к мэру. Насколько мне известно, из всей администрации города остался только он один. И, поверьте мне, уж Роджер Твид-то не сбежит ни за какие коврижки.

– А что у вас здесь случилось, Яков Лейбович?

Через полчаса повозка, гружёная кроме мёртвых тел ещё и десятью фунтами бездымного пороха, остановилась возле здания суда. По дороге не встретилось ни одного человека. Возле мэрии тоже было пусто. Джек припарковал свой транспорт возле лошади каурой масти, вытащил из-под сиденья Маузер и вошёл внутрь.

В здании было тихо и безлюдно. Рэд ожидал, что мэрия, объединённая с судом, будет гудеть, как разворошённый муравейник. Тем более, в ожидании визита известного бандита. Но в коридоре не было ни души. Надписи на дверях отсутствовали, видимо здешние жители и так знали, какой чиновник где сидит, так что Джек открыл три двери, прежде, чем упёрся взглядом в направленный на него ствол.

– Ты не Билл Скиповски, – произнёс усталый мужчина и облегчённо бросил револьвер на стол.

– Я это знаю, – согласился Джек. – Я – Джек Рэд.

– Роджер Твид, если тебе это ещё не известно.

– Как дела, мистер Твид. Я принёс трупы.

– Чьи?!

– Понятия не имею. Хотел отдать шерифу на опознание, но мне сказали, что из всей администрации в городе остались только вы.

– И ты не поспешил уехать?

– Как я вижу, вы тоже не торопитесь спасти свою задницу.

– Не груби. Я всё-таки судья. А в целом ты прав. Это мой город. И получить его Бешеный Билл может только через мой труп.

– Трое на одного. Как-то несправедливо, вы не находите?

– Жизнь вообще несправедливая штука, Джек, – грустно улыбнулся судья. – Но мне повезло. Я прожил жизнь уважаемым человеком. Мне не о чём сожалеть.

Жора с удовольствием смотрел на этого мужчину. Чёрта лысого это игра! Ни один сервер не сгенерит такого вот настоящего мужика, который, даже зная, что жить ему осталось не больше часа, будет молча делать своё дело. Чёрта лысого! Он оглядел пустой кабинет, соседний стол с небрежно разбросанными на нём бумагами. Кто-то явно спешил унести свою драгоценную жопку подальше от конфликта.

А напротив судья Твид. А на вид ведь и не скажешь, что такой вот железный мужик. Жора знал подобных людей. Из тех, кто никогда не предаст, не струсит. Будет до конца переть напролом, ни на шаг не отступая от собственных принципов. Таких обычно в итоге или переводят в какой-нибудь замшелый гарнизон, или съедают подлые и беспринципные. Рэд выглянул в окно. Хрен с ними, с трупами. Валялись пол-

дня, и ещё час поваляются, не сгниют. Он перевёл предохранитель Маузера, приоткрыл затвор, стараясь, чтобы патрон не вылетел, как утром. Подошёл к столу судьи, со стуком поставил приклад на пол и посмотрел Роджеру в глаза.

— Где мне встать? — коротко спросил он.

Через пять минут Жора торопливо снимал маску с пунцового лица. Его разбирал неудержимый, до слёз, всепроникающий нервный хохот. Так бывало раньше, после стычек. Когда чувствуешь, как смерть прошла совсем рядом, едва не задев тебя своей поношенной плащ-палаткой. Тогда бойцов до слёз смешила любая мелочь. Помнится, порванный пулей кроссовок заставил их безостановочно колотиться от хохота не меньше пяти минут.

Вот и сейчас Сицкий не меньше двух минут без сил валялся по горло в силикагели и ржал. Отсмеявшись, он не стал даже вытираться, прошлёпал босыми ногами в ванную, открыл душ, с громким вдохом скользнул под ледяную воду, и только тогда смог хоть немного успокоиться. Потом всё равно минут десять время от времени нервно улыбался. Да, давно он так не волновался, давно.

Наконец, нервы пришли в норму, настроение стабилизировалось. Жора прошёл на кухню и проверил мобильник. Пять пропущенных. И все от Кулика.

— Алё, Злобный, ты мне звонил?

— Дозвонишься до тебя, как же. Как умчался в свою прерию, так с концами.

– Да. Мне везёт. А ты когда в Техас?

– Блин, Жора! Не всем же быть отличниками боевой и физической. Кому-то надо и стоять вторым в очереди за ништяками. Так что раньше двадцатого вряд ли. И так уже три литра раздал, чтобы не особо тормозили.

– Двадцатого... – недовольно протянул Георгий. – Я двадцатого знаешь, где буду? В Педрас-Неграс. Не, ты не подумай, это город так называется. Мексиканский.

– Это где ты мышь видел?

– Ага. Ради неё и иду.

В трубке коротко и довольно хохотнули, затем секунду царило молчание, наконец Кулик осторожно произнёс:

– Ты, Рэд, конечно, мужик рисковый. Но я бы на твоём месте в город с таким названием не особо торопился. Исключительно в целях анальной безопасности.

– Да иди ты! – притворно ругнулся Сицкий. – Это, между прочим, «Чёрные камни» на испанском.

– Ну-ну. Камни. Конечно камни. Кстати, а клёв на Чёрных камнях есть? Или надо к Белой скале ехать?

– Идиот, – Георгий прокомментировал глупую шутку голосом Папанова.

– Знаю, знаю. Дитям мороженое, бабе цветы. Кстати, а ты чего такой весёлый? Плантацию с негритянками прикупил?

– Если бы. Сейчас расскажу, оборжёшься.

Минут пять в полной тишине Жора описывал случай в Плезантвилле. Наконец, еле сдерживаясь от подступающего

смеха, перешёл к эндшпилю истории.

— И только я поинтересовался возможным боевым порядком, как открывается дверь, и в кабинет входят они. Трое, как и описывали, Все с револьверными сбруями. Двое сразу дверь перекрыли, а третий шагает чуть не строевым, как по плацу.

— И? — Не выдержал Олег.

— Вот тебе и «и»! А я стою у стола, Маузер прикладом вниз держу, и понимаю, что любой из бандитов свой барабанчик выдернет гораздо быстрее, чем я ствол наведу. Так и пялился на них, как на параде — карабин «к ноге», сам пошевелиться боюсь. А этот, главный, к столу подходит. Гляжу я на судью, а у того чуть не слёзы. Руки у него дрожат, Смит-Вессон так и лежит на столе. Похоже, простился мужик с белым светом.

— Блин, Жора, не тяни. Чем всё кончилось?

— Кончилось? Дальше как раз самое интересное началось. Подходит Дикий Билл к столу, и вежливо так: «Мистер Твид, как дела? Я слышал, теперь вы мэр этого города?». А Роджер только кивать может. Ступор у него. А я гляжу на бандюгана, ну не похоже, что он сейчас стрелять будет. Не за тем пришёл. Нет у него в глазах желания убивать. Тут и до судьи, похоже, дошло. Расслабился. Ладони он на стол положил, широкие такие, плоские, как лопатки для сковороды. А Билл свои рядом кладёт. И получается, что у него руки почти вдвое шире, чем у Твида. Улыбнулся он тогда судье и говорит: «Мистер Твид. Я пришёл к вам, как к мэру. Мне

передали, что отец умер, так?»

– Судья ему кивает молча, но заметно, что уже немного оклемался. «Мистер Твид, я бы хотел получить документы на его ранчо и вступить в наследство. Мы с парнями, пока тачки с камнями возили, решили, что лучше спокойно на себя работать, чем ещё раз на каторгу попасть. Так что вот. Хотим ранчерами стать.»

– То есть Жорка, ты хочешь сказать, что этот отморозок приехал не мстить, а переквалифицировался в мирного пахаря? Перековал, так сказать, свой плуг на орало.

– Что орало у него дай боже, это ты прав. Он, как бумаги получил, такой индейский вопль выдал, весь город, наверное, слышал. Но в остальном всё верно. Приехал, забрал документы, и умотал. Даже в салун не заглянул.

– Охренеть! Весь город на ушах. Судью, считай, уже похоронили. Шериф слинял в закат. Половина жителей разбежалась, а он просто забрал документы и свалил. Как в анекдоте про Белого Джо.

– Ага. А теперь бегите, Белый Джо идёт. Ты, Олеган, заходи в гости что ли. Я тебе ещё литр на представительские дам, может быстрее поставят. Да и сам с тобой нормального виски попью. А то в этом Техасе в салунах таким говном поят...

Джек блаженно потянулся и открыл глаза. Яркий солнечный луч щекотал нос и портил всё удовольствие от мягкой постели. Рэд не стал сдерживаться и оглушительно чихнул. Панцирная кровать раздражённо заскрипела. Неожиданно ощущение ему понравилось. Напомнило армию с её скрипучими кроватями, а ещё детство, старый бабушкин дом в деревне. «У нас не деревня, а посёлок городского типа!» Ага. Целых две панельных четырёхэтажки, а остальное – частные дома. Но боже, как же там было хорошо просыпаться под вопли запоздалых петухов, многоголосое мычание плетущегося на пастбище стада... И точно знать, что погода отличная, а значит, сегодня с ребятами он проторчит на речке до заката.

Джек ещё раз улыбнулся и ловко спрыгнул с кровати, заставив её ещё раз разъярённо взвизгнуть. Хорошо, но надо ехать, однако. Джонсоны, поди, уже потеряли своего ковбоя. Он сунул ноги в берцы, пристегнул пояс с револьвером, и спустился на первый этаж.

Ночевал он в доме помощника мэра. Тот оперативно вывез семью из города, едва услышав о предстоящем вторжении. Вот Твид и предложил переночевать в пустом жилище. Кажется, из чувства презрения.

– Сегодня многие отношения среди жителей города пере-

менялся, – проговорил он, сосредоточенно шуруя по зубам щёткой, отчего получилось только невнятное «бу-бу-бу».

– Молодой человек, – окликнули Жору по-русски сразу за дверью. Перед калиткой стоял Яков Фишман и держал в руке свой щегольской котелок. – Георгий, простите, не знаю вашего отчества. Вы позволите задать вам только один вопрос?

– Я так сильно зарос?

– Знаете, если бы я хотел, то легко убедил бы вас, что да. Но пришёл я по другой причине.

Джек улыбнулся.

– Почему по-русски? Не хотите, чтобы кто-то узнал новости раньше вас?

– И это тоже.

– Тогда я вас разочарую. Скин зашёл к мэру всего лишь взять бумаги на ранчо его отца. После отсидки он решил заделаться ранчеро.

– Да что вы говорите?! – Фишман в волнении смял шляпу, превратив котелок в подобие шапокляка. – Получается, тюрьма так провела среди него воспитательную работу и Бешеный Билл больше не такой бешеный?

– А что в городе об этом говорят?

– ОЙ-вэй! Город молчит, как рыба в рот набравши. Твид по понятным причинам не спешит делиться новостями с жителями. Я даже подозреваю, что он в ближайшее время сложит с себя и те, и эти полномочия.

– А остальные?

– А остальные злы каждый на себя и все вместе друг на друга. Пока основная версия, что Твид откупился от Бешеного Билла. Но всё равно, мужчины опасаются, что тот вернётся, как только сколотит отряд побольше.

– А юные барышни на это втайне надеются, – улыбнулся Джек.

– Вы правы, вы правы, – закруглил разговор собеседник, и через секунду его полная фигурка торопливо катилась по пыльной дороге, споро перебирая ногами.

Джек ошибался. Джонсоны не ждали его так рано. Джедедайя поведал, что был уверен – Джек застрянет в городе на пару дней. Пока напьётся, пока проспится. Пока посетит все имеющиеся значные заведения.

– Обычно на такое уходит дня два, не меньше.

– Но ведь нас ждёт работа, – пожал плечами Джек. – Да и траву вокруг стадо почти объело. Пора гнать.

– Ну раз настоящий ковбой велит гнать, утром тронемся, верно, Джек? – усмехнулась Мелани.

Следующие три дня Джек откровенно наслаждался. Чистый воздух, ненапряжная работа, здоровое питание из рук самой красивой в их команде дамы. Самой красивой, потому что единственной. Ночами он выходил из игры, чтобы пообщаться с Куликом.

Злобный заходил каждый вечер. Первый раз принёс бутылку, но Жора отказался. Это Злобный потом в люлю рухнет, а ему ещё целый день стадо вести. Друг сделал соответ-

ствующие выводы и больше спиртного не приносил. Видимо, выпивал прямо перед дверью, потому что несло от него, как от цистерны со спиртом.

К третьему дню перегона Жора уже больше ощущал себя Джеком Рэдом, чем Георгием Сицким. Воспоминания о реальной жизни казались памятью о давно просмотренном фильме. Выбираться из капсулы не хотелось совершенно. И этому нежеланию находились объективные причины – чистый воздух, простая жизнь без стрессов, и так далее. Но Джек боялся признаться даже самому себе, что это не главное. Главное – то, что Чудесный Дикий Запад засасывал. Игра оказалась проработана настолько глубоко, что ощущалась абсолютно как реальный мир. А если учесть ещё эту невозможную мышь... В общем, четвёртую ночь Джек не стал выбираться из капсулы, а провёл её на земле. Он любовался небывалым в реальности прекрасным звёздным небом, лениво переговаривался со спутниками и вообще наслаждался кочевой жизнью. И ничуть об этом не жалел.

На следующий день было всё, как всегда. Стадо, едва замочив животы, лениво пересекало мелкую речушку, но как только кобыла Джека ступила на берег, в стороне раздался одиночный выстрел. Сторожевой бык тут же ответственно взревел. Винчестер, привычно определил на звук Рэд. Он ударил лошадь коленями и проскакал к голове стада на ходу выдергивая бинокль.

Европейские моряки уже всюю использовали подобные

устройства, но в американской прерии почему-то бинокли были представлены очень слабо. Основная масса странствующих надеялась на остроту собственного зрения. Кто побогаче, обзаводились пиратского вида подзорными трубами. Джек же при регистрации в игре заказал именно полевой бинокль производства Карла Цейса с новейшими апохроматическими линзами. Джонсоны от восторга только хором цокали языками.

Вообще, Георгий Сицкий очень взвешенно подошёл к регистрации в игре. На предложенную для «переселенца» тысячу долларов он не стал закупать охалки «писмейкеров» и Смит-Вессонов, не прогулял их в ближайшем салуне. Жора внимательно просмотрел всю линейку предлагаемого снаряжения. И заметил, что игра позволяет выбрать почти любую стрелковку из разработанной на середину восьмидесятых годов девятнадцатого века. Так у него появился редкий в окрестных степях Маузер, или по-местному «мышеловка». Под очень непопулярный патрон семь девяносто две. С бездымным порохом и убойными тремя тысячами семьюстами джоулями. Потому-то и удалось тогда положить почти всех убегающих коровьих воров. Жаль только, патроны снаряжать приходилось самому. Но последнее время работа горячим прессом Джеку даже нравилась. И вообще, своего «Мышонка» он не променял бы на все местные Ремингтоны вместе взятые.

Выстрел прозвучал справа, из куцей лиственной рощицы,

но никакого движения там не наблюдалось. Вокруг также было тихо.

– Что там? – Джек и Мелани подъехали одновременно. Джек в ответ лишь недоуменно пожал плечами.

– Где?

Он ткнул носом в направлении зелёнки.

– Кто поедет?

Рэд удивлённо посмотрел на босса.

– Одному опасно. Так что миссис Джонсон остаётся здесь, а мы посмотрим.

– Да что там вдвоём делать, Джек?! Роща-то – собака перескочет.

Рэд вновь пожал плечами.

– Тогда гоним дальше. Если кто-то там соберётся на нас напасть, то обязательно себя выдаст.

– Мистер Рэд, так нельзя, – вмешалась Мелани. – А если в роще кому-то требуется помощь?

– Миссис Джонсон, если кто-то поедет туда в одиночку, то, возможно, помощь понадобится уже двоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.